[13] Соответствующий материал можно найти в ст. М. К. Петрова «Язык и категориальные структуры», помещенной в сб.: «Науковедение и история культуры» (Ростов н/Дону, 1973. С. 58—82).
[14] Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. С. 78.
[15] *Dart F. E., Pradhan P. L.* Cross-cultural Teaching of Science // Science. 1967. Vol. 155. P. 650—652.
[16] Анализ становления нового способа кодирования социально-необходимого знания при переходе от мифа к логосу осуществляется в: *Петров М. К.* Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопр. истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 100—109. См. также упомянутую выше ст. «Язык и категориальные структуры».
[17] *Кессиди Ф. Х.* Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. М., 1963. С. 104—106.
[18] *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. М., 1968. С. 352.
[19] *Томсон Дж.* Первые философы. М., 1959.
[20] *Dart F. E., Pradhan P. L.* Op. cit. P. 651.
[21] Ibid. P. 651—653.
[22] *Асмус В. Ф.* Платон. М., 1969. С.. 34—35.
[23] *Васильева Т. В.* Концепция природы у Лукреция // Вопр. философии. 1969. № 8.
[24] *Лосев А. Ф.* Указ. соч. С. 479.

АЛЕТОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ШАЛВЫ НУЦУБИДЗЕ

А. Бегиашвили

Алетология, или алетологический реализм, теория, созданная Ш. Нуцубидзе (1888—1969), представляет собой одну из наиболее ярких страниц истории грузинской философской мысли. В грузинской философии, если иметь в виду ту ее часть, которая не связана с марксизмом, были созданы две самостоятельные философские системы, находящиеся на уровне достижений современной им философской мысли: одна из них — учение Иоанна Петрици (XI—XII вв.), другая — алетологический реализм Ш. Нуцубидзе. Свою теорию автор сформулировал в книгах: «Основы алетологии» — Тбилиси, 1922 (на груз. яз.); «Истина и структура познания» (1925); «Философия и мудрость» (1930). Две последние работы вышли в Берлине на немецком языке, впоследствии были переведены на грузинский язык и вошли в полное собрание сочинений Ш. Нуцубидзе (1979).

Достаточно вкратце, в двух словах, описать основные принципы алетологии и станет очевидным, что мы имеем дело с оригинальным философским учением, которое было шагом вперед для западного философского мышления того времени. Любое познание, пишет Ш. Нуцубидзе, если рассматривать его в завершенном виде, не содержит ничего от субъекта. В этом смысле любое истинное знание, например, идея о том, что «металлы — хорошие электропроводники», не зависит от субъекта. Из подобных этому общеизвестных положений философ делает своеобразный вывод. При анализе

истинного знания не надо оставаться на уровне противоположности субъекта и объекта. Это противопоставление имеет смысл пока мы рассматриваем реализацию акта познания, но теряет всякий смысл после того как познание реализовалось и истинное знание стало независимым от субъекта. Однако новоевропейская теория познания, которую в течение последних веков развивали философы, оставалась преимущественно в сфере противоположности субъекта о объекта. Поэтому наряду с традиционной теорией познания, по мнению Ш. Нуцубидзе, должна быть создана новая дисциплина, которая выйдет за пределы противоположности субъекта и объекта. Эта новая дисциплина и есть алетология (от греч. aletheia), основные принципы которой сформулировал Ш. Нуцубидзе.

Естественно, Ш. Нуцубидзе, признает, что истина должна выражать соотношение двух различных моментов: «истина в себе» и «истина для нас». «Истина в себе» есть основное понятие алетологического реализма. Формулируя его, Ш. Нуцубидзе опирался на следующие предпосылки: познание всего есть познание определенности; и истина соответственно есть познание предмета в его определенности. Он соглашается с Кантом, который высказал это положение, но в отличие от него полагает, что эта определенность целиком идет от объекта. Соответственно он утверждает, что каждое сущее существует как опре́деленность. Это положение может быть высказано и таким образом: все, что существует, существует как бытие и тем самым отрицает «иначе-бытие». Именно эта определенность есть «больше — чем бытие», которое наличествует в каждом сущем. Эта определенность, поскольку она приложена к бытию, есть «истина в себе», и она есть «истина для нас», поскольку мы ее познаем. Та наука, которая выходит за пределы противоположности субъекта и объекта и опирается на анализ соотношения «истины в себе» и «истины для нас» есть, по мнению Ш. Нуцубидзе, новый раздел философии — теория истины, или алетология. Относительно задач, которые Ш. Нуцубидзе ставил перед очерченной им наукой «Лексикон философов» (составители Г. Цигенфус и Г. Юнг, Берлин, 1970), он писал: «Алетология стремится к такому очищению философии, чтобы проблемы гносеологии, логики и метафизики объединились в одну универсальную теорию истины».

Алетология опиралась на достижения философской мысли XIX и XX в. и являла собой попытку ее дальнейшего развития. В течение долгого времени, писал Ш. Нуцубидзе, суждение рассматривали как простой феномен и не обращали внимания на ту психическую «добавку», которую познающий субъект вносит в суждение. После Больцано сосредоточили внимание на внутреннем строении суждения. Важным шагом в развитии теории суждения было различение акта суждения от его содержания. Отделение актов субъекта равносильно построению теории суждения независимо от учения о субъекте и объекте. Критика психологической логики, которую вел Гуссерль, опиралась именно на эту предпосылку.

Однако при установлении вышеуказанного различения нельзя ограничиваться только рамками теории суждения, полагает Ш. Нуцубидзе. Необходимо сделать следующий шаг и различие между актом и содержанием, установленное в теории суждения, распространить на теорию познания в целом. Надо различать изучение актов познания, чем занимается теория познания, от изучения завершенного познания, на что опирается теория истины. Таков был шаг вперед, по сравнению с Больцано и Гуссерлем, который сделал Ш. Нуцубидзе, стремясь обосновать основное понятие своей философии — «истину в себе».

Этот шаг вперед, сделанный Ш. Нуцубидзе, заметила критика того времени. Рецензент журнала «Revue des sciences philosophique et theologiques» Ролан-Госелен писал: «Если верить профессору Тбилисского университета г-ну Шалве Нуцубидзе, нам предоставляется возможность подняться выше, чем это сделал Якоби в очищении философии»[1]. Другой рецензент подчеркивал значимость проблематики книги «Истина и структура познания»: «Автор рассматриваемого сочинения, ординарный профессор Тбилисского университета, рассматривает те вопросы, которые для настоящего периода развития немецкой философии имеют первостепенное значение» [2], — писал он в журнале «Grundwissenschaft». Для критики не осталось незамеченным и то обстоятельство, что алетология ставила своей задачей приближение философии к мудрости.

«Наиболее интересную часть книги, несомненно, представляет дискуссия с Хайдеггером, которая, наверное, продлится, — писал в рецензии на книгу „Философия и мудрость" Барг Лендхир. — Очищение философии от ее спекулятивных и интуитивных наслоений с тем, чтобы вновь увидеть в ней путь, ведущий к мудрости, несомненно, будет содействовать более простому решению сложнейших вопросов современной философии»[3].

Конечно, алетологическая доктрина заслужила не только положительные отзывы. Известный немецкий философ Б. Баух полагал, что не все положения этой теории обоснованы в достаточной степени. Баух соглашается с утверждением Ш. Нуцубидзе о «своей близости к Ласку». После этого Б. Баух пишет: « . . . то, что я несколько лет тому назад довольно подробно сказал относительно Ласка (см. мою книгу «Истина, ценность, действительность»), я бы мог, с небольшими изменениями повторить и против Нуцубидзе». Вместе с тем Б. Баух отмечает: « . . . надо признать бесспорным, и потому хочется еще раз подчеркнуто отметить, что это исследование (книга Ш. Нуцубидзе „Истина и структура познания") очень часто отличается особой остротой мысли»[4].

Историческая судьба алетологического реализма сложилась несколько необычно. Работы Ш. Нуцубидзе, изданные на немецком языке, вызвали большой интерес философской общественности. Об этом свидетельствуют и те рецензии, фрагменты которых мы приводили выше, и еще ряд других. Но на этом дело кончилось. В дальнейшем европейская философская мысль почти не проявляла интереса к Ш. Нуцубидзе, если не считать упоминания в спра-

вочных пособиях. Объясняется это не только тем, что автор алетологического реализма исчез с европейского научного горизонта. Были и другие важные причины. На почве философского наследия Гуссерля возник особый вариант феноменологии, связанный с именем Хайдеггера, на долгие годы ставшего «властителем дум» на Западе. Его вариант феноменологии ставил во главу философского рассуждения именно человеческое бытие.

Естественно, что в этой духовной атмосфере учения типа алетологического реализма, стремящиеся исключить субъект из теории познания, построить философию, стоящую над противоположностью субъекта и объекта, не могли рассчитывать на успех.

Однако нельзя не отметить и следующее: в современном философском мышлении повальное увлечение проблемой человека, стремление вести все философские исследования со ссылкой на данные, получаемые при изучении человеческой реальности, постепенно уступает место противоположной тенденции. Провозвестниками такого поворота можно, пожалуй, считать французских структуралистов. Одному из них, Мишелю Фуко, принадлежит известная фраза, сказанная в заключении его книги «Слова и вещи»: «Во всяком случае очевидно одно: человек не есть ни самая старая, ни самая постоянная проблема, которая вставала перед человеческим познанием». Там же он писал: «Можно держать пари, что человек изгладится как изображение на приморском песке»[5].

Манифестом структуралистов считают утверждения Ролана Барта, занимающегося философскими проблемами литературоведения. Он писал: «Литературоведение возможно, если оно будет ... интересоваться деятельностями и учреждениями, а не индивидами. Дело касается радикального изменения истории литературы, которая должна претерпеть изменение, аналогичное тому, которое произошло, когда от королевских хроник перешли к исторической науке в подлинном смысле ... надо выскочить из рамок и изменить объект. Освободить литературу от индивида»[6].

Аналогичный подход к философским проблемам виден и в известной работе К. Поппера, которая носит знаменательное название «Эпистемология без познающего субъекта». Если приведенные нами факты являются знаками новой тенденции в философском мышлении, то, можно полагать, что окончательное суждение об алетологическом реализме — дело будущего.

Публикуемые ниже фрагменты взяты из книги Ш. Нуцубидзе «Основы алетологии» (Тбилиси, 1922). Перевод с грузинского на русский язык выполнен Л. Мчедлишвили и Т. Буачидзе.

[1] Revue des sciences philosophique et theologiques. 1926. P. 217. Здесь и далее цит. по: *Нуцубидзе Ш.* Соч. Тбилиси, 1979. Т. II.
[2] Grundwissenschaft. 1927. N 7. S. 223.
[3] International Journal of Ethics. 1931—1932. N 42. P. 395.
[4] Deutsche Literaturzeitung. 1930. S. 394.
[5] *Foucault M.* Le mots et les choses. P., 1966. P. 398.
[6] Antworten der Strukturalisten. Adelbert Reit (Hrsg.). Hamburg, 1973. S. 9—10.